

В последующие дни Тан Юэ целиком посвятил себя тому, чтобы помочь Тан Мяню освоиться в жизни в городе S. Он даже брал сына с собой на встречи в компанию.

Его нынешняя команда по большей части состояла из тех же людей, что работали с ним ещё во времена группы Away. Все они были без ума от Тан Мяня — настолько, что мальчик начал жаловаться Цзян Шулюю: мол, он слишком популярен и это его утомляет.

Тем временем Цзян Шулюй несколько дней подряд попадал в объективы папарацци у офиса корпорации «Куньюй», принадлежащей Лян И. Это породило множество слухов и вновь усилило ярлык «иждивенца».

Однако даже самые яростные фанаты уже устали ругаться. Ведь каждый раз, когда их ловили на камеру — даже на самых размытых снимках — между ними буквально искрила любовь.

Сейчас Тан Юэ возглавлял рейтинг самых ожидаемых концертов по версии музыкальных слушателей. Одной-единственной песней он зажёг рынок второй половины года и перетянул на себя весь поток внимания. Что тут ещё скажешь?

Возможно, всё дело в том, что Цзян Шулюй теперь выглядел совсем иначе, чем во времена группы. Даже те фанаты, кто изначально кричал о «пиаре», постепенно замолчали.

Песня «Ландыши на чердаке» фактически принесла Цзян Шулюю и его семье подавляющую победу в информационной войне. Особенно быстро история распространилась в регионах: многие уже знали о ней.

Пусть даже общественное мнение не способно свергнуть топ-олигархов, но для Цзян Шулюя и Тан Юэ это обернулось исключительно пользой.

Компания «Чэнкун Медиа» тоже неплохо заработала на этом ажиотаже и с новой силой запустила переиздание старых треков Тан Юэ, дополнив их саундтреками к популярным драмам последних лет. Всё это создало мощную всестороннюю синергию.

Тан Юэ по-прежнему был тем самым Тан Юэ из Away — но теперь, услышав его имя, люди сразу вспоминали не только группу, но и сцены из любимых сериалов.

Даже Люй Сичао завидовал этой уникальной «природе» Тан Юэ: с самого дебюта у него была безупречная репутация и отличные отношения с широкой аудиторией.

Не то что у него самого или Яо Лисинь — у них фанаты и хейтеры делились ровно пополам. Хотя Люй Сичао и не считал себя обидчивым, иногда ему всё же было больно.

Возможно, дело в том, что Тан Юэ просто не обращал внимания на ненавистников.

Сегодня Тан Юэ пришёл в студию «Чэнкун», чтобы записать новую песню, и снова привёл с собой Тан Мянэ. Люй Сичао, закончив съёмки нового проекта, заглянул проведать своего «младшенького» и заодно купил сыну огромный воздушный шар в виде мороженого — именно такой сейчас был в моде у детей.

Шар был настолько большим, что сотрудники компании не могли не оборачиваться.

Люй Сичао спросил Тан Мянэ, который только что вернулся с урока детского программирования:

— А где твой второй папа?

— Он отвёз меня на занятие, потом привёз сюда вместе с Сяо Юэ и уехал — сказал, что у него дела, — ответил мальчик, одной рукой сжимая шар, а другой — тянущийся за клубникой из фруктовой тарелки.

За стеклом Тан Юэ всё ещё был погружён в запись, полностью сосредоточенный на работе.

Рядом находилась менеджер Линь-цзе. После того как стало известно, что за псевдонимом Evening скрывается сам Тан Юэ, количество предложений взлетело до небес. Особенно активно к нему обращались кинокомпании с просьбой написать OST для новых проектов.

Линь-цзе давно не испытывала такого головокружения от выбора. Она под села к Люй Сичао:

— Не хочешь помочь посмотреть предложения?

— Мне можно? — удивился тот.

Линь-цзе усмехнулась:

— Почему бы и нет? Ты же хозяйка компании.

— Фу, — передёрнулся Люй Сичао. — От этого прозвища у меня мурашки!

Хотя его отношения с Цзян Хэ были общеизвестны, никто в компании почти не видел их проявлений нежности на публике. Единственный раз Тан Юэ случайно застал их в лестничной клетке — и даже тогда перепутал, кто кого целует.

— Ладно, — смягчилась Линь-цзе. — Тогда как старший брат Тан Юэ.

— Вот это уже звучит лучше, — кивнул Люй Сичао.

Они обсуждали текущую ситуацию с репутацией Тан Юэ, и Люй Сичао с лёгкой завистью заметил:

— Этот парень будто рождён быть всеми любимым.

Линь-цзе, наблюдавшая за ними с юности, согласно кивнула:

— Помнишь, как он впервые пришёл в группу? Раны ещё не зажили, а он уже улыбался... Кто бы не пожалел?

Она помолчала и добавила:

— Удивительно, что даже человек с таким характером, как ты, так хорошо к нему относится.

— Как это «такой характер»? — возмутился Люй Сичао. — Я же играл роль нежного и заботливого!

Линь-цзе сделала глоток кофе:

— Сейчас — нет.

Люй Сичао рассмеялся:

— Ладно, ладно. Но ведь он же покориł самого непокоримого — Цзян Шулюя! Кто после этого не скажет, что он молодец?

Тан Мянью, жуя вилку, с любопытством спросил:

— Брат Шулюй такой трудный?

— Ещё бы, — кивнул Люй Сичао. — Казался человеком, который вообще не способен никого полюбить.

— Но он очень любит Сяо Юэ, — возразил мальчик.

— Вот именно. Любовь не знает логики, — улыбнулся Люй Сичао.

— Я тоже люблю Сяо Юэ, — заявил Тан Мянью.

— Мы все его любим, — мягко сказал Люй Сичао.

Линь-цзе вздохнула:

— У Тан Юэ большое сердце. Раньше он тоже игнорировал все злые комментарии. Говорил: «Мне важно только то, что думают те, кто меня любит».

— И правильно, — поддержал Люй Сичао. — Те, кто меня ненавидит, всё равно не изменят мнения, сколько бы я ни объяснялся.

Он пробежал глазами список предложений — среди них даже были кинесаундтреки с очень щедрыми условиями. Очевидно, продюсеры высоко ценили талант Тан Юэ.

— Может, выбрать кино? — задумался Люй Сичао и вдруг нахмурился. — Странно... Вот этот фильм — там эпизодическую роль играет Шэн Цанъюнь. Разве он не ушёл из индустрии?

— Жаль, конечно, — кивнула Линь-цзе. — Ему ведь всего тридцать исполнилось после Нового года.

— Ты не знаешь? — спросила она.

— Что? — не понял Люй Сичао.

— В прошлом году мы прикрыли одну новость: он вернулся в страну с ребёнком на похороны.

Люй Сичао усмехнулся:

— Я знаю только, что он ушёл из-за тайного брака и ребёнка. Почти как наш Тан Юэ.

Шэн Цанъюнь — легендарная фигура. Он дебютировал так рано, что многие считали его гораздо старше. На самом деле он всего на четыре года старше Люй Сичао.

Когда Away получили свою первую награду, именно молодой Шэн Цанъюнь сидел в жюри.

Люй Сичао взглянул на Тан Юэ за стеклом и подумал: «Как же много внезапных отцов вокруг...»

Хотя Яо Лисинь и говорила, что Тан Мяня родил сам Тан Юэ, и хотя они оба спрашивали об этом Цзян Шулюя — и тот молча кивал, — всё равно казалось невероятным.

Неудивительно, что та интернет-художница постоянно делится безумными комиксами про «рожающих мужчин» — кто бы не мечтал?!

А вдруг ребёнок Шэн Цанъюня тоже его собственный?

После недельного потока новостей о «рождении мужчин» Люй Сичао уже почти свыкся с мыслью. Теперь казалось странным не то, что мужчины могут рожать, а то, что кто-то не может.

Он уже собирался внимательнее изучить требования к сцене в этом фильме, как вдруг из соседней комнаты, где работали ретушеры, раздался вопль:

— Блин! Вышла та самая утечка от первого папарацци, которую неделю раскручивали!

— Он пишет, что ребёнок Шэн Цанъюня — его собственный!!!

В студии записи, куда как раз вышли сотрудники после совещания, атмосфера взорвалась. Везде слышались: «Ничего себе!», «Спасите!», «Правда?!»

Даже Люй Сичао, только что строивший догадки, опешил.

Линь-цзе, проработавшая в индустрии десятилетиями и даже прочитавшая кое-что о «мужском материнстве», не ожидала, что это случится с кем-то из высшей элиты кино!

Если бы это был малоизвестный актёр — ещё понятно. Но Шэн Цанъюнь?!

Тан Мян, видя общее волнение, тоже заинтересовался.

В этот момент Тан Юэ вышел из студии. Ассистент подал ему тёплую воду. Он пил, подходя к сыну.

На запыстье Тан Мян болтался огромный шар в виде мороженого, а сам мальчик всё ещё ел фрукты.

Тан Юэ поздоровался с Люй Сичао — но тот не ответил, уставившись в телефон с крайне серьёзным выражением лица. То же самое — Линь-цзе. Все сотрудники перешёптывались.

Тан Мян ничего не понял. Тан Юэ забрал у него вилку, наколот несколько кусочков фруктов, обнял сына и спросил:

— Днём пойдём домой. Что хочешь поесть?

Но тут Люй Сичао окликнул его — так резко, что Тан Юэ вздрогнул.

— Твой муж что, в больнице?! — выпалил Люй Сичао.

Тан Юэ взял протянутый телефон. На экране, помимо тренда #ШэнЦанъюньРождает, появился новый хештег: #ЦзянШулюй_Урология.

Эти четыре иероглифа легко наводили на странные мысли.

Люй Сичао придвинулся ближе и шепнул:

— Капитан что, не может?

— Конечно нет! — быстро возразил Тан Юэ.

В голове мелькнули воспоминания последних дней: вроде бы всё нормально. Разве что Цзян Шулюй не разрешал ему быть сверху и всегда затягивал процесс до предела, пока Тан Юэ не терял сознание от удовольствия.

Просто немного извращенец.

Но в плане физической формы — всё отлично. Даже «инопланетянин» с крепким здоровьем на следующий день чувствовал боль в пояснице, но жаловаться не смел. Зато Тан Юэ гордился: «Он следует моему ритму».

Хотя сначала — да, следовал. А потом... увлёкся.

— Хватит, — прервал его Люй Сичао. — Это можешь обдумать дома. Я спрашиваю серьёзно.

Тан Юэ посмотрел на хештег. Доказательств почти не было — просто пост обычной пользовательницы, которая написала, что видела Цзян Шулюя в 32-м этаже частной клиники, а там — урология.

Маркетинговые аккаунты подхватили, фанаты начали ругать их за безответственность. Саму авторку стали расспрашивать, в какой именно больнице. Оказалось — элитная частная клиника с баснословными ценами. А сама девушка — богатая.

Тан Юэ вспомнил, как перед последней локацией шоу Цзян Шулюй всю ночь просматривал какие-то документы.

Он категорически не хотел второго ребёнка. А Тан Юэ, как уроженец 9787-й звезды, знал: технологии Земли всё ещё примитивны.

Даже в семнадцать лет, живя на свалке на своей родной планете, он мало что знал о мужской беременности здесь, но видел рекламу: как предохраняться, как повысить шансы на зачатие...

Он тогда мельком просмотрел это — а теперь вспомнил: таблетки, которые он тайком купил, не спасли от Тан Мянэ. И сейчас он очень хочет ещё одного ребёнка. Но Цзян Шулюй по-прежнему против.

Об этом они больше не говорили. Интимная жизнь продолжалась как обычно.

Но оказывается, он всё ещё непреклонен.

«Ну и что с того?» — подумал Тан Юэ.

Люй Сичао, видя его долгое молчание, осторожно спросил:

— Неужели Цзян Шулюй пошёл... туда?

Он прекрасно понимал, что слухи о «неспособности» — чушь. За время шоу он всё понял. А учитывая существование Тан Мянэ... догадался.

Тан Юэ вздохнул:

— Возможно.

Люй Сичао слегка разозлился:

— Почему он не обсудил это с тобой?

Он бросил взгляд на Тан Мянэ, увлечённо играющего в гонки, и понизил голос:

— Сяо Юэ... ты же хочешь второго?

Тан Юэ кивнул.

У Люй Сичао по коже побежали мурашки. Учитывая сегодняшний взрыв вокруг Шэн Цанъюня, он начал подозревать: не это ли «подготовка почвы» со стороны Цзян Шулюя? Чтобы легитимизировать существование Тан Юэ и Тан Мянэ?

Тан Юэ тоже заметил всплеск в соцсетях. Цзян Шулюй заранее рассказал ему о Шэн Цанъюне, поэтому он не удивился, а просто прочитал комментарии:

> «Глаза на лоб! Мужчины рожают — давайте ещё! Пусть теперь они и рожают!»

> «Шэн Цанъюнь?! КТО ЭТОГО СДЕЛАЛ С МОИМ КУМИРОМ?! Я плакать буду!»

> «Ребёнок такой красивый... Значит, второй папа тоже красавец? Перебираю всех, с кем он дружил...»

- > «Но он же один воспитывает! Какой мерзавец!»
- > «Вы так быстро приняли это? У меня мурашки!»
- > «Наверное, из-за того, что СМИ активно это подают...»
- > «Подождите! Эти комментарии кажутся знакомыми... Кто смотрел шоу Away?»
- > «Неужели Тан Юэ тоже сам родил Тан Мяня?!»
- > «Смотрите ещё #ЦзянШулюй_Урология — это же стопроцентное доказательство! Зачем ему урология? Стерилизация или импотенция?»

Интернет бурлил, как в день, когда шестнадцатилетний Шэн Цанъюнь был номинирован на лучшую мужскую роль. Или как в день распада Away.

Маркетологи подливали масла в огонь, пользователи составляли списки всех «рожающих мужчин» и шутили: «Теперь напоминать мужчинам рожать — эффективнее!»

Первый папарацци получил миллионы репостов. Даже звёзды, забыв переключить аккаунты, писали «О_БОЖЕ!».

В реальном времени люди жаловались: «Пришёл домой в обед — родители даже не готовят, сидят и читают новости!»

Ну конечно! Ведь это же Шэн Цанъюнь!

Люй Сичао почувствовал лёгкое головокружение. Он прижался к Тан Юэ и с отчаянием прошептал:

— Теперь я понимаю, что чувствуют фанаты, когда их кумир «падает».

— Твой любимый актёр — учитель Шэн? — уточнил Тан Юэ.

— Я понимаю, почему твои фанаты плачут и кричат, — поправил Люй Сичао.

— Но ребёнка мы хотели сами, — твёрдо сказал Тан Юэ. — Никто меня не заставлял. Я выбрал — и не жалею.

Они сидели бок о бок. Тан Мянэ тихо сделал фото и отправил Цзян Шулюю:

□Тан Мянэ□: Папа, Сяо Юэ немного злится.

Цзян Шулюй как раз выходил из клиники. Его шурин Цзян Сюйюнь спросил:

— Когда операцию делать будешь?

Он показал на телефон:

— Тебя засекли.

— Я сам дал себя засечь, — спокойно ответил Цзян Шулюй.

— За тобой, кажется, кто-то ещё следил, — добавил Цзян Сюйюнь.

Цзян Шулюй не удивился. Он положил бумажный отчёт в папку и открыл сообщение от Тан Мян्या.

Цзян Шулюй: Я извинюсь перед ним.

Тан Мянью: Это потому, что папа хочет ещё одного ребёнка?

Ребёнок всё понимал, но сохранял деликатную дистанцию — именно за это все, кто знал семью, восхищались его тактом.

Он не был «взрослым в миниатюре», говорящим чётко и правильно. Он находился в идеальном балансе между детской наивностью и ранней зрелостью — и Тан Юэ часто не знал, как выразить свою любовь, кроме как целовать и обнимать его каждый день, чтобы сын чувствовал: он бесконечно любим.

И Тан Юэ действительно справлялся с ролью отца.

Пятнадцатидневное путешественное шоу показало зрителям: Тан Мянью дома — не «подчинённый», а равноправный член семьи. Между ними нет иерархии. Иногда даже наоборот.

Их отношения ближе, чем у друзей. Многие в комментариях писали, что мечтают о такой атмосфере.

Большинство людей выросли без прямого выражения любви. Родители стеснялись говорить «я люблю тебя», дети не умели отвечать. Обед — это сопровождение, но признаться в чувствах — стыдно.

Избыток сдержанности оставляет глубокие трещины в душе, которые невозможно полностью залатать.

Тан Юэ извиняется, если нужно. Говорит «люблю», если чувствует. Если Тан Мянэ отказывает — спрашивает «почему?».

Они оба любят докапываться до сути — и потому между ними почти нет секретов.

Цзян Шулюй никогда прямо не спрашивал Тан Мянэ, знает ли он, откуда родом Тан Юэ. Но иногда, слыша, как они шепчутся на непонятном языке, он понимал: сын знает всё.

Цзян Шулюй: Да.

Тан Мянэ: Я хочу стать старшим братом! □

Цзян Шулюй: Это будет нелегко.

Тан Мянэ: У вас нет денег? Я могу зарабатывать!

Цзян Шулюй улыбнулся. Посетив их прежнее жильё, он понял: Тан Юэ воспитывал сына не в бедности.

Духовный мир Тан Мянэ невероятно богат. И те условия дали ему ту «дикушную свободу», которой лишены дети в дорогих лагерях. Именно поэтому он вырос таким озорным и умным.

Цзян Сюйюнь, отправив сообщение Лян И, что везёт «мужа младшего брата» в компанию, спросил у неё:

Лян И: Зачем ты с ним?

Цзян Сюйюнь: Был на повторном приёме, встретил господина Цзяна.

Лян И: У тебя нет машины?

Цзян Сюйюнь: Я студент, езжу только на метро.

Лян И: ...

Цзян Шулюй не обращал внимания на их переписку. Он долго смотрел на сообщение Тан Мянэ и наконец ответил:

Цзян Шулюй: Дело не в деньгах. Я боюсь, что Сяо Юэ будет страдать. Когда у тебя был Тан Мянэ, я не был рядом.

Он говорил об этом с Тан Юэ, но тот отмахивался: «Прошлое — прошло». Избегал болезненных деталей.

Если бы Лян И не рассказала, Цзян Шулюй и правда думал бы, что всё было легко.

Она сказала: роды прошли относительно гладко, только в конце было трудно. Врач хоть и принимал одного мужчину, но анатомия Тан Юэ оказалась иной.

Тем мужчиной был Шэн Цанъюнь.

Кроме узкого круга, никто не знал: сегодняшний взрыв — тщательно спланированная операция.

От папарацци до самого Шэн Цанъюня, от тысяч комментариев вроде «Тан Мянэ тоже родил Тан Юэ?» до «теперь всё становится на места» — всё было продумано.

Цзян Шулюй хотел дать Тан Юэ максимально мягкое признание общества.

Но он не хотел повторять прошлые ошибки.

Он до сих пор чувствовал вину. Его забота не имела предела — кроме одного: он не мог вернуться в прошлое.

Тем временем Люй Сичао всё ещё жаловался Тан Юэ, сетуя на «падение» своего кумира, и заодно «случайно» уколол Цзян Шулюя: мол, «здоровая капуста» была испорчена «этим кабаном».

Тан Юэ не выдержал:

— Если брат Шулюй — кабан, то господин Цзян — тоже кабан.

— Цзян Хэ — мёртвый кабан, — бросил Люй Сичао, явно получая удовольствие от ругани собственного мужа.

Менеджер Линь-цзе чуть не поперхнулась. Она подумала: «Из четверых самых спокойной оказалась Яо Лисинь — та, кого раньше считали проблемной. Остальные: двое тайно завели детей, один годами строил план по завоеванию босса. Какие же вы все!»

Неудивительно, что фанаты кричат «мошенничество!» — даже менеджер чувствовала себя виноватой.

Тан Мянэ посмотрел на Тан Юэ и медленно, короткими пальчиками, набрал ответ:

Тан Мянью: Но теперь ты рядом с Сяо Юэ.

Тан Мянью: Папа, ты нас обманываешь?

Цзян Шулюй не знал, что ответить.

Цзян Сюйюнь, закончив переписку, заметил, что Цзян Шулюй снова достал форму согласия на операцию. Брови его были нахмурены.

— Ничего, можно отменить, — успокоил шурин и даже подробно пересказал рекомендации врача — с видом человека, который прошёл это сам.

— Ты делал? — удивился Цзян Шулюй.

Цзян Сюйюнь, почти ровесник Тан Юэ, кивнул:

— Мы с Сяо И решили об этом сразу, как сошлись.

И с гордостью добавил:

— Ради неё я готов на всё.

Цзян Шулюй вспомнил фанаток комиксов Цзян Сюйюня, называвших его «романтичным до боли». И слова Тан Юэ, прочитавшего работы шурина: «У него явное расщепление личности. Ему бы сёдзё-мангу рисовать».

Он промолчал. И в этот момент Тан Мянью прислал ещё одно сообщение:

Тан Мянью: Сегодня вечером я смогу съесть тот же яичный бургер, что вы с Сяо Юэ?

Цзян Шулюй улыбнулся и ответил: «Хорошо».

Машина подъехала к парковке «Чэнкун Медиа». Цзян Сюйюнь, никогда не бывавший здесь, пошёл вслед за Цзян Шулюем — решил поискать материал для новых сюжетов.

Из-за ажиотажа вокруг тренда никто даже не обратил внимания на приход Цзян Шулюя. Возможно, потому что большинство сотрудников помнили его ещё с времён Away.

Зато Тан Мянью с радостным визгом подбежал к отцу, держа шар.

За окном уже смеркалось. Тан Юэ даже не взглянул на Цзян Шулюя — смотрел в телефон, отвечая Лян И.

Она тоже видела новости и знала, что Цзян Сюйюнь с Цзян Шулюем вместе.

Спросила, не поссорились ли они.

Тан Юэ: Не ссора. Просто брат Шулюй слишком за меня переживает.

Лян И: Почему так думаешь?

Тан Юэ: Он чувствует вину, что меня не было рядом, когда я родил Сяо Ми. Сестра, ты же знаешь — это не его вина.

Они были так близки, всё наладилось, быт стал таким, каким мечтал Тан Юэ.

Всё было прекрасно. Но он чувствовал: Цзян Шулюй до сих пор испытывает вину.

Это проявлялось в ласке, в заботе — особенно после близости.

Когда Цзян Шулюй «ожесточался» в постели, Тан Юэ обожал это — обожал переход от нежности к жестокости.

Но потом Цзян Шулюй приходил в себя, отводил мокрую чёлку Тан Юэ и целовал его уставшие глаза с такой болью...

Тан Юэ: Я подозреваю, он постоянно усиливает в своём воображении мои страдания в тот период — и считает их своими.

Лян И долго молчала, читая это.

Она не ожидала таких слов от Тан Юэ.

Он продолжал удивлять — и вдохновлять окружающих.

Особенно своей искренностью в любви. Как только он открывался — его чувства накрывали с головой.

Цзян Шулюй тонул в них — и мучился раскаянием.

Лян И: Похоже, ты уже принял решение.

Тан Юэ: Я ведь очень сильный.

Тан Юэ так увлёкся перепиской, что Цзян Шулюй подошёл сам и тихо позвал:

— Сяо Юэ, пора домой.

— Брат Шулюй сказал, что поведёт меня есть яичный бургер! — напомнил Тан Мян.

Тан Юэ кивнул и естественно взял Цзян Шулюя за руку:

— По пути купим еду.

Цзян Сюйюнь немного пообщался с Люй Сичао и спустился в лифте вместе с этой «семьёй».

Цзян Шулюй хотел предложить ему вызвать такси, но тот махнул рукой:

— Пойду к Сяо И. Отсюда до «Куньюй» — одна станция.

Перед уходом молодой мангака нарочито бросил:

— У меня богатый опыт в мужской урологии. Обращайтесь!

Цзян Шулюй открыл рот, чтобы что-то сказать, но Тан Юэ опередил его. Он усадил Тан Мян в машину и повернулся к Цзян Шулюю:

— Брат Шулюй, я ведь суперсильный инопланетянин. Ты слишком поздно это понял.

— Что? — не понял тот.

Тан Юэ наклонился к его уху, и в его голосе зазвенела озорная улыбка:

— Я ещё и верхом езжу отлично.

— «Список подарков»

С тех пор как Цзян Хэ подарил Тан Мян детскую игрушку,
он больше не поручал это секретарю,

а сам ходил выбирать.

Однажды Люй Сичао, вернувшись со съёмок,

застал Цзян Хэ сидящим на ковре...

и играющим в **детскую кофемашину**.

— Разве ты не собирался подарить это Сяо Ми? — удивился Люй Сичао.

— Боюсь, он не разберётся. Сначала потренируюсь сам, — серьёзно ответил Цзян Хэ.

— Да брось! Хочешь играть — купи себе ещё одну.

Цзян Хэ промолчал.

Люй Сичао достал телефон —

как раз пришло сообщение от Тан Юэ: они втроём сняли видео распаковки новой игрушки.

Точно такой же кофемашины.

Он изо всех сил сдерживал смех — и не смог.

— Хочешь поиграть? — спросил Цзян Хэ.

— Дети сейчас так счастливы, — вздохнул Люй Сичао, садясь рядом.

Он заметил на коробке листочек —

блокнотный лист из «Чэнкун Медиа».

Цзян Хэ составил список: кофемашина, кухонные принадлежности, настольный футбол...

После каждого — в скобках: «есть ли заусенцы», «колется ли».

— А этот футбол? Какой он? — спросил Люй Сичао.

Цзян Хэ вытащил из-под дивана уже собранный экземпляр.

— Зачем прятать? Я же не смеюсь, — удивился Люй Сичао.

— Не сдерживайся. Смейся, — разрешил Цзян Хэ.

[Люй Сичао → Тан Юэ]: [видео] Это тоже весело!

[Тан Юэ → Цзян Шулюй]: Купим такой же? Кофемашина реально классная!

P.S. Колонка с рассказом о Шэн Цанъюне уже опубликована.

Это обновлённая версия старого предзаказа.

Если вам не нравится — можете отменить предзаказ. -w-

Спасибо за поддержку! (кланяется)

Рассказы Банься — источники радости

<http://bllate.org/book/16057/1606093>